

О.А. Курбатов (Москва)

ЯСАКИ – БОЕВЫЕ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КЛИЧИ ЦАРСКОГО ВОЙСКА XV–XVII ВЕКОВ¹

БОЕВЫЕ КЛИЧИ и подаваемые голосом условные сигналы являются важной частью любой воинской культуры. В то же время этот раздел «обряда войны» довольно трудно изучать систематически, поскольку сведения о боевых кличах, а тем более об условных сигналах попадают в источники редко, порой случайно. Занимаясь исследованием различных военно-исторических сюжетов XVI–XVII вв. по документам РГАДА и другим источникам, мне удалось собрать некоторый объем сведений в отношении боевых кличей царского войска – так называемых «ясаков». Частично свои наблюдения я уже высказывал в печатном виде – в своей книге «Военная история Смутного времени начала XVII века» (М., 2013) и нескольких статьях¹. Этот, пусть весьма еще скромный, материал позволяет не только расширить известный по источникам перечень боевых кличей, но и высказать ряд наблюдений относительно их бытования.

Понятие ясак в русском военном деле. Начнем с того, что «ясак» в военной традиции Московской Руси – понятие весьма широкое, выходящее за рамки чисто голосовых условных сигналов. Согласно словарю Фасмера, кроме более известного перевода как «дань» (с татарского языка), слово *jasak* в чагатайском (староузбекском) языке имеет значение «уложение, постановление», а в турецком – даже «запрет»². В этой связи можно вспомнить «ясак» – условный сигнал – знаменем, который с высокой башни подавался татарами во время осады Иваном Грозным Казани в 1552 г.³ Таким образом, можно констатировать, что понятие «ясак» относилось к

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00464 «Обряд войны: воинские традиции и обычаи в Московской Руси XV–XVII вв.»

системе условных сигналов вообще. И все же в русском военном деле чаще всего «ясаки» – это звуковые сигналы, что диктовалось чисто военной необходимостью. В боях XV–XVI вв., представлявших собой стремительные конные схватки, звуковые сигналы были гораздо эффективнее любых визуальных условных знаков.

Однако и в данной области можно выделить два типа ясаков: ясаки как воинские кличи, которые издавались самими ратными людьми, и ясаки как особого рода сигналы, которые подавались посредством музыкальных инструментов. Некоторые данные об управлении боем с помощью «музыкальных» сигналов приводит в конце XVI столетия Джайлс Флетчер: «Большие дворяне, или старшие всадники, привязывают к своим седлам по небольшому медному барабану, в который они бьют, отдавая приказание или устремляясь на неприятеля. Кроме того, у них есть барабаны большого размера, которые возят на доске, положенной на четырех лошадях. Этих лошадей связывают цепями, и к каждому барабану приставляется по восьми барабанщиков. Есть у них также трубы, которые издают дикие звуки, совершенно различные от наших труб. Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все за один раз так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий, страшный шум»⁴. Из этого описания – похоже, со слов какого-либо стороннего очевидца сражения – можно сделать выводы о наличии в походном войске целого спектра музыкальных инструментов, которые целиком или частично («небольшой медный барабан», или тулумбас) используются для подачи условных сигналов.

Важные наблюдения в этом плане позволяет сделать «ропись ясакам Государева полка» (1655), сохранившаяся в делах Разряда. Наиболее интересны первые пункты данного перечня: «1-й ясак, как учнут бить по большому набату тихим обычаем, то поход наш государской. 2-й ясак, как учнут бить по большому набату скорым обычаем беспрестанно, и то всполох [...] 3-й ясак, как учнут трубить в сурну, и то посылка; а головы б без сотен тотчас были к нашему государскому шатру для сказки, где быть посылке. 4-й ясак, как учнут трубить в две трубы, да бить по литаврам маханье, да по двоим накрам, и то изволит государь на смотр, или в город, или в поля для какого дела идти; а головам, услыша сей ясак, тотчас быть очередным 4-м человекам с сотнями к нашему государеву шатру»⁵. Еще два сигнала служили для извещения о победе, полученного в царской

ставке. Здесь мы уже не видим ни одного ясака, который использовался бы как сигнал или команда непосредственно в ходе сражения. Наиболее вероятным объяснением будет то, что к середине XVII в. военачальники крупных воинских соединений, достигающих численности 5000–10 000 и более человек, перестали видеть практический смысл в подобных сигналах, и область их применения сузилась до передачи элементарных команд для сотенных голов в походе (но вне боя). В полках «нового строя», полевых приказах стрельцов и даже в конных сотнях для подачи сигналов стали уже применяться инструменты европейского (или польского) происхождения: барабаны и поперечные флейты («сипоши», «шеломаи») в пехоте, трубы и литавры в кавалерии, в том числе в сотнях дворянской конницы⁶. Таким образом, можно заключить, что «музыкальные» боевые сигналы появились в древности для подачи элементарных команд на поле сражения (например, сигнал начала атаки), и, похоже, само понятие «ясака» для их обозначения – это уже более позднее явление.

Наконец, остается еще одно значение «ясака» – боевой условный клич, о чем и пойдет речь в дальнейшем.

Происхождение ясаков и их развитие в XIII–XVI вв. С ясаками или боевыми кличами монголо-татар русские ратники познакомились уже в XIII столетии, причем освоили эту систему сигналов на практике, действуя как составная часть ханского войска. Краткое, но недвусмысленное сообщение об этом содержит каирская летопись эмира Рукнеддина Бейбарса (начала XIV в.), между прочими известиями о событиях в Золотой Орде. В битве на Куканлыке (Кагамлыке) (1299–1300) между татарами Ногай и хана Тохты (Токты) сторонники Ногай потерпели поражение. Эмир поместил в своей хронике историю гибели престарелого Ногай, которого убил «русский из войска Токты», за что был сам предан казни. «Что же касается сыновей Ногай и тех, которые уцелели из войска их, то они скрылись под прикрытием ночи и тайком пробрались через массы войск Токты, откликаясь их лозунгом, чтобы они их приняли за своих. Лозунг же их, как рассказывал один из очевидцев сражения, был “Итиль– Яик”». Спаслись они в эту самую ночь, ночью же двинулись в путь и вернулись восвояси»⁷. Несомненно, что русских, входивших в состав ханской рати, татары должны были посвятить во все подробности своих тактических приемов, чтобы эффективно взаимодействовать на поле боя – в том числе и познакомить с практикой применения упомянутых «лозунгов», или ясаков.

Первое упоминание о существовании развитой системы ясаков уже в русском – конкретнее, в московском – войске относится к 1501 г. По сообщению псковского летописца, когда московские полки, не известив псковичей, ушли в поход на ливонцев, они перед самым выступлением «изъясачились» – то есть, условились о боевых сигналах⁸. Из рассказа неясно, сообщили ли великокняжеские ратники свои ясаки псковичам, или, напротив, скрыли их, – но в любом случае этот момент выглядит как очень важный для совместных действий двух самостоятельных ратей. Это известие предполагает наличие различных вариантов ясаков, возможно, особых для каждого из отрядов московской рати.

Источники содержат немного примеров ясаков для раннего периода. Самый первый из них – боевой клич «Москва» объединенного великокняжеского войска в походе на Новгород 1471 г., конкретнее, в Шелонской битве: «Якоже уставлен беаше глаголатися ясак полков князя великого: “Москва”»⁹. Второй эпизод отстоит от первого более чем на столетие: Р. Гейденштейн, описывая переправу польской армии короля Стефана Батория через Западную Двину в 1579 г., упоминает о конных «караулах» или разъездах из царского войска. Они, «по обычаю своему разъезжая для возбуждения в наших страха, выкликали – каждое по имени – войска разных народов, бывших под властию Московского царя, Рязанцев, Астраханцев и других племен»¹⁰. Нетрудно заметить типологическое сходство русских ясаков с «лозунгом Итиль – Яик» ордынцев хана Тохты: во всех случаях в качестве сигнала были выбраны географические понятия. И выбор этот не выглядит случайным: для татар и их союзников упоминание Итиля (Волги) и Яика (Урала) указывало на могущество хана Тохты и обширность территории Золотой Орды. Для великокняжеского войска на Шелони клич «Москва!» служил символом единства русских земель в их походе против новгородских «изменников»; напротив, возгласы «Рязань» или «Астрахань» эпохи Ливонской войны указывали на обширность владений русского царя, а также, возможно, и его внушительный титул («царь Астраханский... великий князь Рязанский...» и т. п.).

Царев ясак как основной боевой клич царского войска до конца XVII века. Вместе с тем, со временами первых русских царей следует связать появление единого, основного ясака русского войска XVII в.: «Царев-царев!». На данный момент автором выявлено всего семь упоминаний об этом ясаке (за 1655–1668 гг.), но в большинстве

случаев он выглядит как обычный воинский клич, принятый всеми ратными людьми царского войска. Эпизоды эти относятся к периоду русско-польской войны 1654–1667 гг. и дальнейшей борьбы за Украину. Тогда велись непрерывные боевые действия, подробности которых отражены в огромном количестве приказных отписок, нарративе и других видах источников – в связи с чем и сведения о боевых кличах действующих сторон стали чаще попадать на страницы документов. Перечислю эти эпизоды.

1. 17 апреля 1655 г. в Севске московские стрельцы приказа «головы и салдатцкого строю полковника» А. Матвеева попытались «учинить выемку» незаконного вина у брянских детей боярских, что привело к жестокой драке. По словам подполковника этого приказа Андрея Виниуса, «Сего же де числа учинился подле его двора крик, и кричали ясаком: “Царев-царев!”», и он де, услышав крик, вышел из своего двора на улицу»¹¹, застав уже конец конфликта. Трудно понять, какая из сторон с помощью ясака звала к себе на помощь – скорее, все же стрельцы, которые получили отпор и внезапно оказались в меньшинстве.

2. В начале 1659 г. (до 21 января) во время разведывательного рейда на территорию Полоцкого повета, охваченную мятежом казаков Нечая и литовской шляхты, разъезд царских «присяжных» полоцких казаков въехал в середину деревни Солонец под видом поляков, а затем крикнул ясаком «Царев-государев!». Услышав этот яsak, двое шляхтичей-«изменников» бросились бежать и были пойманы¹².

3. В ночь на 26 марта 1660 г. ратные люди армии кн. И.А. Хованского предприняли первый штурм литовской крепости Ляховичи. По сведениям новгородского шляхтича Маскевича, они незаметно подошли к стенам и взобрались на них, водрузив даже знамена. Однако затем в условиях ночного боя русские ратники и «присяжные» шляхтичи стали перекрикиваться ясаком «Царев город!», видимо, чтобы опознать своих. По утверждению Маскевича, именно этот клич поднял на ноги всех многочисленных защитников Ляховичей, которые гурьбой бросились на стены и сумели выбить царское войско из крепости¹³.

4. В Литве, в конце 1665 г., через пару недель после разорительного рейда одного из царских отрядов от Смоленска, «землянин» Мстиславского повета И.М. Судиловский пожаловался на своих соседей, С. Людоговского с сыновьями, С. Судиловского и ряд иных. Под покровом темноты, в ночь на 28 ноября (н. ст.), они «з брони

разными, до бою войне належачую стрелбою огнистою, бердышами, рогатынами» напали на его хутор на кричевском тракте и ограбили его. При этом, пользуясь тревожным ожиданием новых набегов от украинских казаков и царских ратников, они «галасы учинивши мою московскую “руби, руби, царев, царев”. Хозяин спросонок решил, «же неприятел московски “шышы” чатою напали» и бежал в лес, и только потом по голосам догадался, кто его разорят¹⁴.

5. Подобным же образом в том же Мстиславском повете, по заявлению урядника А. Василевского, управляющего имением оршанского ловчего Я. Величка, произошло разбойное нападение на их хороневскую маетность ((в ночь на 14 января 1666 г. (н. ст.)). Владелец соседнего имения пан Я. Пожарицкий послал для грабежа более 60 человек «слуг дворных, бояр и подданных своих с розным оружием, до бою належачим [...] под претекстом московским» – то есть, под видом нападения «московитского» разъезда. Обитатели маетности пришли в ужас, «бо розумели, же московский люд напал, же волали “Царов, царов”» – то есть, кричали обычным ясаком русских ратников¹⁵.

6. Через год, на праздник Рождества Пресвятой Богородицы (8 сентября 1667 г.) случились гуляния у Зачатьевского монастыря в Москве, которые сопровождались кулачным боем. Стрельцы, наблюдавшие за порядком, схватили и привели в приказ жильца Савина Иванова сына Буркова за участие в этом кулачном бою, что, судя по всему, для членов Государева двора было строжайше запрещено: «Приведен от праздника от Зачетейского монастыря, что за Пречистенскими вороты, с кулашного бою жилец Савин Иванов сын Бурков в том, что он бился кулачки и кричал ясаком: “Царев-царев! Зубов-Зубов!”» Поскольку подобный «привод» оказался уже вторым на счету Буркова, царь «указал ему учинить наказание, бить батоги и написать по городу по Коломне, где служат родичи ево» – иными словами, разжаловать в городовые дети боярские по Коломне¹⁶.

7. Еще через год, 10 октября 1668 г., произошло неудачное столкновение отряда кн. А.Г. Ромодановского с крымско-татарским войском при с. Грайворон на Украине. Татары напали на русских при выходе из села, на переправе, взяли в плен воеводу с его свитой и ударили на рейтар, из которых и состоял данный отряд. По рассказу протопопа Симеона, спасенного рейтарами, они побросали лошадей и пешими сбежались на болото за селом, применив обычную степную тактику ухода от погони. Там оба полка – С. Зубова и Ф. Зыкова – до

вечера отражали атаки противника, а ночью двинулись болотом же через лес обратно, в сторону лагеря армии боярина кн. А.Г. Ромодановского. По словам протопопа, «И дождався ночи, пошли болотом оборонною рукою. А татары с обоих сторон идучи, кричат: “Галла! Галла!”», а наши себе кричат: “Царев! Царев!”¹⁷», и через несколько часов добрались до обоза главных сил¹⁸.

Обобщив перечисленные эпизоды, можно сделать ряд интересных выводов и наблюдений. В частности, мы видим, что ясак всегда произносится дважды («царев-царев»). Кроме того, существовало несколько «вариаций на тему» этого ясака: «царев-государев», «царев город». Данным ясаком пользуются не только русские ратники, но и белорусские казаки и шляхтичи, присягнувшие царю, и даже украинские казаки Северской земли (именно они обычно грабили Мстиславский уезд в 1665–1666 гг.). Наконец, его могли кричать вместе с особенным ясаком отдельной воинской части: «Царев-царев, Зубов-Зубов» («Зубов-Зубов» – в 1667 г. боевой клич московского стрелецкого приказа головы Ивана Зубова). Ну и еще раз отметим, что в большинстве случаев противник русских прекрасно знает их основной боевой клич, а порой даже имитирует его («царов-царов»).

Ясаки Смутного времени. Широкое распространение ясака «Царев-царев» в 1655–1668 гг. позволяет достаточно уверенно предположить, что он же был обычным боевым кличем царской армии и в начале XVI в. В свете этого становится более понятным одно из затруднений, которое испытывали русские ратники в эпоху Смуты, когда им приходилось выбирать между двумя, а то и большим числом «истинных государей».

Возможно, в связи с этим уже в битве при Добрыничах, в январе 1605 г., русские всадники царя Бориса предпочли кричать не «Царев-царев», а «полевое слово» служилых немцев своего войска – «Hilf Gott!»¹⁹. Когда под Кромами служилые люди подняли мятеж против царя Федора Годунова (7 мая 1605 г.), они стали восклицать «Да здравствует царь Дмитрий!». Метаясь по лагерю, заговорщики собирались с возгласами «Да хранит Бог Дмитрия!», а их противники: «Да хранит Бог нашего Федора Борисовича!», или же просто: «Федор!» и «Дмитрий!»²⁰. Имя другого царя становилось таким образом «воровским ясаком», боевым кличем противника в гражданской войне.

В этом плане ясаки оказались гораздо эффективнее других опознавательных, условных знаков гражданской войны. Можно вспом-

нить в этой связи, как Лжедмитрий I накануне битвы при Добрыничах (1605) приказал своим всадникам из числа «москвитян» надеть поверх доспехов белые рубахи, для отличия от бойцов Годунова²¹. Однако больше о существовании подобных индивидуальных знаков различия войск сторон мы сведений не имеем – видно, ясак все же оказался гораздо более эффективным и, главное, доступным для любого отряда способом опознавания «свой-чужой».

Ясак чудотворца Сергия (Сергиев ясак). Особым образом эта проблема была решена при обороне Троице-Сергиева монастыря (1608–1610). Готовясь к решающей вылазке на лагерь «тушинцев», защитники условились взять за ясак «Сергиево имя» – называть себя по принадлежности к святому покровителю монастыря (ноябрь 1608 г.)²². Вылазка оказалась успешной, и тактический пароль для ночного боя превратился в религиозный символ борьбы со лже-царями, которых церковные власти приравнивали к антихристам. После знаменитой обороны Троицы даже простые путники, назвавшие себя «Сергиевыми», пропускались по дорогам разбойными шайками невозбранно²³. А на второй день решающей московской битвы с гетманом Ходкевичем (1612) клич «Сергиев-Сергиев!» стал сигналом для общей атаки войск Первого и Второго ополчений – и дворянских сотен, и казачьих станиц – бывших «тушинцев», некогда осаждавших Троицу²⁴.

Надо сказать, что данный ясак – в отличие от обычных воинских кличей – попал на страницы наиболее знаменитых и популярных сочинений о Смутном времени. Он упоминается и в «Новом летописце», и в «Сказании» Авраамия Палицына, и в «Чудесах преподобного Сергия» троцкого монаха Симона (Азарьина). Последнее сочинение было даже напечатано крупным тиражом в 1647 г. В итоге, в случае с Сергиевым ясаком мы наблюдаем уже явление Нового времени, когда хрестоматийные примеры Божьей помощи недавнего прошлого могут обрести второе дыхание, возродиться по благочестивому замыслу царя-книжника (в данном случае, Алексея Михайловича).

В сентябре 1658 г. Тишайший получил удручающие известия об измене полковника Белорусского казацкого полка Ивана Нечая и восстании «присяжной» шляхты в Литве. Первый воевода, назначенный для борьбы с повстанцами с «легким» войском, кн. Г.А. Козловский, отбывал в Белоруссию в дни ежегодного царского богомолья в Троице-Сергиев монастырь ко дню памяти преподобного (25 сентября).

Судя по всему, в самый момент отправки на эту службу царь велел князю взять в качестве ясака легендарный клич «Сергиев-Сергиев»; чуть позже «большой» воевода кн. И.И. Лобанов-Ростовский получил такое же наставление. И первые же победы нового похода Алексей Михайлович без сомнения отнес Сергиеву заступлению: «А Нечая... Сергей Чудотворец дважды побил», – написал он кн. Ю.А. Долго-рукову, после чего 30 января 1659 г. вновь «ходил молиться в Троице в Сергиев монастырь»²⁵.

С этих пор Сергиев ясак, по-видимому, вернулся в ряд обычных боевых кличей царского войска. Следующий раз (после 1659 г.) о нем упоминает П. Гордон как об обычном пароле московских стрельцов в крепости Чигирин, во время ее эпической обороны 1678 г.: «Указав полковникам посты, откуда им следует наблюдать за выступлением своих офицеров и солдат, и дав обычный пароль “Сергий”, когда все было готово, по бою барабанов со всех сторон я подал сигнал идти вперед»²⁶. В оригинале дневника (на староангл.) написано «Serge», что может передавать ясак и в традиционной форме притяжательно-го прилагательного (чей? – Сергиев). По мнению Седова, бытование этого пароля в Чигирине могло быть связано с чудесным явлением преподобного Сергия одному из стрельцов во время предыдущей осады крепости турками (1677). Но нельзя исключать и обратной причинно-следственной связи, когда Сергиев ясак, повторяемый каждый день в качестве пароля, и послужил причиной молитвенного обращения стрельца именно к этому русскому святому.

Последним случаем применения знаменитого воинского клича стало стрелецкое восстание 1698 г. Из следственного дела известно, что кто-то из стрельцов пытался кричать Сергиевым ясаком, что было также расценено петровскими сподвижниками как преступление²⁷.

При всем своеобразии, феномен Сергиева ясака прекрасно укладывается в логику развития боевых кличей русской армии: от функции отличия «своих» в гражданской войне к оваянному славой сигналу, который был способен воодушевить русских ратников в опасные и ответственные моменты военных действий.

Ясаки отдельных воинских подразделений. Помимо ясаков «Царев» и «Сергиев», русское войско XVII в. продолжало использовать и другие условные кличи. В частности, отдельные ясаки могло получить каждое подразделение какой-либо отдельной действующей армии. К сожалению, сохранилась лишь одна полная роспись

полковых ясаков – перечень ясаков московских стрелецких приказов (с 1680 г. – полков). Она была составлена царем Алексеем Михайловичем в конце 1660-х гг. и дошла до нас в нескольких списках: среди бумаг приказа Тайных дел²⁸ и в записной книжке одного из служилых иноземцев русской армии начала XVIII в. Интересно, что происхождение этих сигналов у разных приказов особое: если большинство получило клич по имени одной из охотничьих птиц царя, любителя соколиной охоты («Мурат-Мурат», «Бирюк-Бирюк», «Полетай-Полетай» или просто «сокол-сокол»), то другие – по имени своего головы («Зубов-Зубов», «Коптев-Коптев»).

В данном случае ясаки выступают в качестве особого отличия привилегированных московских стрельцов, наряду с установленным раз и навсегда цветом служилых кафтанов. Фиксация ясаков на бумаге и долгое бытование полковых кличей без изменений были, по всей видимости, вызваны уже не боевой необходимостью, а требованиями несения регулярной караульной службы и другими задачами, которые выполнялись стрельцами в Москве. По идее известного исследователя «непременного войска» XVII в. Р. Паласиос-Фернандеса, они могли служить отличием стрелецких приказов во время ночной караульной службы – когда не видно цвета кафтанов и лиц караульщиков.

Кроме того, есть уникальное свидетельство и о существовании постоянных, фиксированных ясаков в отдельном войске – полку Новгородского разряда (кн. И.А. Хованского), который состоял из десятка конных сотен и целого ряда полков «нового строя» (гусарского, рейтарских, солдатских). Летом 1664 г. горсть городовых стрельцов сорвала ночной штурм литовцами крепости Невль, закричав у них в тылу «розных полков ясаками» армии князя И.А. Хованского²⁹. Литовцы были вынуждены бросить «примет» – лодки с зажигательным материалом для атаки деревянного городка, вернуться к своему обозу и занять оборону. В этом случае мы видим, как по мере долгого употребления ясак, становясь известным противнику, мог превратиться в грозное предупреждение об атаке уже знакомого ему войска и стать даже средством морального давления на врага.

Правовые вопросы бытования ясаков. Долгое существование ясаков, их важность для ратного дела привели к формированию особых традиций их бытования, в частности, наказания за их неправильное применение. Один из первых известных случаев произошел в походе 1654 г. Во время похода под Смоленск Сторожевого полка

русского войска, 9 июня, к воеводе боярину кн. М.М. Темкину-Ростовскому были приведены два послужильца – холопы рейтар И. Порецкого и Д. Уварова. Их вина заключалась в том, что они устроили ложный всполох – «кричали ясаком, что государеву казну грабят». Был еще один фигурант разбирательства – холоп полковника рейтарского строя В. Кречетникова Корнила Евлампиев («который ясакам кричал»), но тот сумел оправдаться: «Ясаком де он не кричивал, а услышал де, что говорит детина, что казну грабят государеву. И он де было того человека, поймав, повел к боярину и воеводе ко князю Михаилу Михайловичю Темкину Ростовскому, и того де человека у него атнели стрелцы». В итоге боярин вынес довольно суровый приговор: «Иванову человеку Порецкого было наказание за то, что кликал ясаком, было 40 ударов, Дмитриеву человеку Ульянина было наказание на козле, бит кнутом, было 35 ударов»³⁰. Из следствия можно выяснить, во-первых, что крик о грабеже государственной казны (видимо, походной казны Сторожевого полка) являлся «ясаком» – впрочем, вполне возможно, что ответчики действительно кричали неким условным криком на такой случай. Во-вторых, сам приговор звучал как «наказание за то, что кликал ясаком», т. е., не просто за ложную тревогу, а именно за употребление воинского ясачного крика не к месту, со злым умыслом.

В этой связи можно вспомнить и о суровом наказании жильца Савина Буркова, кричавшего стрелецким ясаком Зубова приказу на кулачном бою у Зачатьевского монастыря (в 1667 г.). Хотя формально он был наказан за вторичное участие в кулачном бою, из подробностей доклада о его приводе в Стрелецкий приказ можно заключить, что употребление им ясака на кулачном бою выглядело, в понимании стрельцов и чиновников, важнымотягчающим обстоятельством.

Наконец, попытка кричать Сергиевым ясаком во время стрелецкого мятежа 1698 г. явно расценивалась властями как серьезное преступление.

Таким образом, из материалов нескольких дел мы можем установить, что неправомерное употребление ясачного крика в самых разных обстоятельствах: в походе, в мирное время на праздничных гуляниях или во время выступления служилых людей – являлось довольно тяжелым проступком, который влек за собой суровое наказание.

Заключение. Рассмотренные здесь эпизоды употребления ясаков, несомненно, будут и дальше дополняться новыми примерами,

но и на данном этапе исследования можно сделать определенные выводы. В русской военной практике ясак как воинский сигнал – это гораздо более широкое понятие, чем боевой клич. Помимо того, термин использовался для обозначения визуальных условных знаков («ясачное знамя») и сигналов, подаваемых музыкальными инструментами и даже орудиями³¹. По внешней форме и манере употребления ясак (как условный клич) заимствован из тактических приемов золотоордынского войска, причем знакомство с ним на практике произошло не позднее 1300 г. Первые ясаки выбирались из географических понятий, связанных с территорией Русского государства. К периоду Смутного времени общевоинским воинским кличем стал «Царев-царев!», и в целом ясаки стали создаваться по его образцу: обязательным считалось двойное повторение слова и, как и в случае с Сергиевым ясаком, клич как бы отвечал на вопрос: «Ты чей?» (т. е. произносился в форме притяжательного прилагательного). В Смутное время политическая ситуация привела к появлению новых общевоинских ясаков – с уточнением имени царя («Дмитрий!», согласно И. Массе), а затем, начиная с защитников Троице-Сергиева монастыря – «Сергиев!». Кроме того, существовал целый спектр полковых ясаков и условных сигналов тревоги, которые также назывались ясаками. Вполне логично, что за злоупотребление этими воинскими кличами полагалось суровое наказание как в военное, так и в мирное время. Главным же выводом настоящего исследования является то, что ясачные кличи – это важная часть воинской культуры Русского государства. Изучение этой темы расширяет наши представления как о ратной практике великокняжеского и царского войска, так и о самосознании русских людей – от царей и бояр до рядовых стрельцов или послужильцев.

¹ Курбатов О. А. Ратное дело при царе Алексее Михайловиче в свете православной традиции // Церковь в истории России / Отв. ред. В. М. Лавров. М., 2009. Сб. 8. С. 22–38; Дневник 1677–1678 / Патрик Гордон; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; отв. ред. М. Р. Рыженков. М., 2005 (прим. № 216).

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд. 2-е. М., 1987. Т. 4 (Т – Яшур). С. 564.

³ «И еще к тому тогда иную хитрость изобреде царь казанский против нас [...] Ибо уложил он таковой совет со своими, с тем войском, их же оставил вне града на лесех, и положил с ними таковое знамение, а по ихъ языку [ясак]: егда изнесут на высокую вежу або иногда на град на высочайшее месце хоругов их зело великую бусарманскую и начнут ею махати, тогда, глаголю, [понеже далося нам знати] ударят со всех стран с

лесов зело грозно и прутко во устроению полков бусурманы на полки христианские. А от града во все врата вытекали в тот же час на наши шанцы и так зело жестоце и храбре насакали, яко и вере не подобно» (Андрей Курбский. История о делах великого князя Московского / Изд. подгот. К.Ю. Ерусалимский. Пер. А.А. Алексеева. Отв. ред. Ю.Д. Рыков. М., 2015. С. 30).

⁴ Флетчер, Дж. О государстве Русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским). СПб., 1906. С. 68, 69.

⁵ Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2 (1635–1659). С. 422, 423.

⁶ «И над всякою сотнею учинены головы сотенные из столльников и из дворян, а у них поручики и знаменщики ис тех же чинов, меньших чинов люди. А хоругви у них большие, камчатые и тафтяные, не таковы как рейтарские; трубачи и литаврщики их же голов дворовые люди» (Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1884. С. 147).

⁷ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Ред. и пер. В. Тизенгаузена. СПб., 1884. С. 114.

⁸ Псковские летописи / Ред. А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 86.

⁹ Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. XLIII. С. 196.

¹⁰ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. (1578–1582) / Пер. с лат. И.И. Виноградова. СПб., 1889. С. 77.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 589. Л. 17 (приказный шатер окольничего и дворецкого и воеводы В. В. Бутурлина).

¹² Витебская старина / Сост. А. Сапунов. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2. С. 103, 104.

¹³ Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczow (wiek XVII). Wrocław, 1961. S. 297.

¹⁴ Акты Виленской Комиссии для разбора древних актов. Вильна, 1909. Т. 34. Акты, относящиеся ко времени войны за Малороссию. С. 407, 408.

¹⁵ Акты Виленской Комиссии... Т. 34. С. 421.

¹⁶ РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 620. Л. 15, 15 об.

¹⁷ При публикации документа издатели напечатали не «Царев-царев», а «Церковь-церковь», что вполне объяснимо: оба слова (и «царь», и «церковь») писались под титулом, и различить «царев» и «церковь» на письме очень сложно.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1872. Т. 7. С. 95.

¹⁹ Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 102, 227; Бер М. Летопись Московская с 1584 года по 1612 // Сказание современников о Дмитрии самозванце. СПб., 1859. Ч. 1. С. 40.

²⁰ По свидетельству Исаака Массы (О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М., 1997. С. 86, 87).

²¹ Паерле Г. Описание путешествия Ганса Георга Паерле... // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Т. 2. С. 164.

²² Палицын А. Сказание Авраамия Палицына // Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 152.

²³ Наседка И. Житие и подвиги преподобного отца нашего архимандрита Дионисия. [б. м.], [б. г.]. С. 11; Скворцов Д. И. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890. С. 65.

²⁴ Азарьин С. Книга о чудесах преподобного Сергия. СПб., 1888. С. 38, 39.

²⁵ Курбатов О. А. «Не надейтесь на кесари, на сыны человеческия, в них же несть спасения» (Пс. 145): «Наука побеждать» Царя Алексея Михайловича // www.sedmitza.ru (публикация на сайте «Седмица» 1 февраля 2004 г.).

²⁶ Гордон П. Дневник 1677–1678 / Патрик Гордон; пер.. ст., примеч. Д.Г. Федосова; отв. ред. М. Р. Рыженков. М., 2005. С. 216, 217 (примеч. № 216).

²⁷ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.

²⁸ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 338.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 271.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 589. Л. 710, 710 об.

³¹ «5-й ясак, стрелят возле нашего государева шатра трижды из пищали – то, за милостью Божиею и Пречистой Богородицы, победа на поляков» (Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2 (1635–1659). С. 422, 423).